

Русская мысль. - Париж - 1995. - 23 нояб. - с. 9 Слово, необходимое России сегодня

Недавно книжное издательство «Верхняя Волга» (Ярославль) при содействии Государственного комитета РФ по печати выпустило в свет первый том публицистики Александра Солженицына. Тираж книги невелик — всего 10 тысяч экземпляров. Однако на ее презентации в московском Доме Цветаевой директор издательства Владимир Кутузов заявил, что и этот, и последующие три тома по мере их распространения будут допечатаны дополнительным тиражом.

А.И. Солженицын

дескать, есть писатель Солженицын и есть Солженицын-публицист. «Не знаю, есть ли Достоевский «Идиота» и Достоевский «Дневника писателя» — такие суждения говорят только о том, кто их произносит. Потому что, конечно, это совершенно неделимые организмы, это совершенно одно сердце, одно перо, одна страсть и одна преданность — в данном случае, преданность России, и преданность каким-то всечеловеческим идеалам, которые, как ему кажется, русский народ сумел не потерять, — несмотря на довольно жуткую судьбу».

Елена Чуковская, также принимавшая участие в подготовке издания, рассказала, как публицистика рождалась отчасти и на ее памяти. Она вспомнила, что ее поколение читало эти вещи «зачастую в виде стершейся машинописи на папиросной бумаге, но как важно было каждое слово писателя».

Она рассказала, как рождалось «Письмо к IV съезду писателей» — первая публицистическая статья Солженицына, необычная и по содержанию, и по способу вхождения в сознание современников. «Письмо» было заранее подготовлено в сотнях экземпляров, автор обдумал, кому оно будет разослано, причем готовился к этому шагу очень серьезно. В те годы в тетрадке под названием «Если не буду жив» он писал заметки, ставшие впоследствии главами книги «Бодался теленок с дубом». Там, в конце «Письма к IV съезду», признание: «Никому не перегорю путей правды, и за движение ее я готов принять и смерть». Или в «Письме вождам»: «Не дорожу материальными благами и готов пожертвовать жизнью».

И это не пустые слова, а жизненное кредо, обеспеченное всем пройденным путем писателя и общественного деятеля. Эта книга, считает Елена Чуковская, часть истории России, статьи эти попадали в болевые точки общества и потом так или иначе вошли в сознание современников. Есть в этой книге и наш сегодняшний день: «Кажется, мучителен переход от свободной речи к вынужденному молчанию. Но и обратный переход, ожидающий скоро нашу страну, возврат дыхания и сознания, переход от молчания к свободной речи, тоже окажется и труден, и долог; и снова мучителен тем крайним пропастным непониманием, которое вдруг зинет между соотечественниками, даже ровесниками, даже земляками, даже членами одного тесного круга». Это было написано более 20-ти лет назад!

По мнению Юрия Карякина, публицистика Солженицына уникальна. И если есть ей «какая-нибудь аналогия, то только с «Дневником писателя» Достоевского, — сказал он. — И этой публицистике предстоит, по-видимому, судьба, которая продолжится и у «Дневника писателя», когда художник нырнул в жизнь. Все противоречия, которые вскрываются, снимаются в масштабах художественных, здесь обнажены до предела».

Особая ценность публицистики Солженицына, считает Юрий Карякин, в том, что писателю удается все время «заглядывать за горизонт. Все мы почти страстно желали свержения коммунизма, но никто не думал с такой же страстью и с таким расчетом стратегическим над тем, что будет там, за горизонтом».

Специалист по Достоевскому Людмила Сараскина призналась: без солженицынских «Жить не по лжи!» и «Образованщины» ее поколение не состоялось бы, не выжило, не выкарабкалось. Еще более значимо, что в том же 1-м томе публикуется и совсем новая статья «Русский вопрос» к концу XX века (1994) — и по этой статье видно: не получается Солженицына «загнать в историю». Он остро современный писатель, и по давним работам, и по недавним выступлениям на ТВ. Это пи-

сатель, приехавший в Россию вовремя — в ту самую пору, когда не хватало его остро и болезненно... Человек безбоязненный, именно он вернул благородный смысл, чистоту и красоту словам: патриотизм, Россия, русский, — в его устах они звучат так, что не стыдно.

Поэт Юрий Кублановский заметил, что статьи Солженицына в сборнике «Из-под глыб» обратили сознание интеллигенции на веховские пути духовно-экзистенциальной свободы, что, впрочем, не отменяло социальной активности. Солженицын первым из русских во второй половине XX века сказал очень точно, что коммунизм — это часть общей болезни цивилизации. Что это не специфическая русская болезнь (как утверждал Н.Бердяев), но что это часть идеологии, которая со времен просветительства (Солженицын ее корни видит еще дальше) господствует в обществе и ведет человечество к глобальному кризису.

По мнению Кублановского, Солженицын — не западник, не славянофил, а глубоко оригинальный русский мыслитель с опытом XX века. И протоиерей о.Александр Шмеман точнее всех назвал его публицистику «зрячей любовью». В ней нет никаких утопий, имперских фантазий, ставших для России некогда, может быть, столь же роковыми, как фантазии революционно-социалистические.

Необыкновенный универсализм художника и публициста Солженицы-

на в духе предшественников — Герцена, Короленко, всей великой русской литературы — отметил Сергей Залыгин. Он поделился грустным предчувствием, что в духовной жизни России этот писатель — последний универсал, художник, органически соединивший в себе историка, социолога, «тюрьмоведа». Солженицын — писатель удивительно собранный: перечитайте «Один день Ивана Денисовича» и этот том публицистики — и вы убедитесь, что писал все это один человек, и, как признался С.Залыгин, «до сих пор в мои годы я воспитываюсь на его книгах».

Литературовед Игорь Волгин провел параллель между Гоголем, Толстым, Достоевским, которые выламывались из литературы — им ее было мало, и они начинали говорить с аудиторией напрямую: о жизненном устройстве, о главном в русской жизни. И это — классическая традиция, к которой непосредственно примыкает Солженицын. Он продолжатель этой традиции вмешательства в жизнь и перехода к прямой проповеди. По мнению Волгина, глубокая трагедия состоит в том, что почти одинаково на протяжении уже ста с лишним лет ухо интеллигента слабо воспринимает такого рода пророчества и предупреждения совестливых художников — буквально та же терминология употребляется в оценке значительной части публицистики Солженицына. Как будто за целый век мы ничему не научились и ничего не поняли. Эту книгу очень полез-

но перечитывать целиком, заметил Волгин, она разрушает систему мифов, сложившихся вокруг писателя. Речь в этой книге о главном — о нравственном существовании России, о ее государственном существовании. И все это замыкается на глубоком и личное отношение к русской истории.

Председатель Комитета по иностранным делам Государственной Думы Владимир Лукин подчеркнул, что в качестве общественного человека Солженицын всегда с самого начала своего выступления из неизвестности на сцену создавал атмосферу. И крайне удивительно, что — вопреки официозу — он создал свою атмосферу, и именно она одержала победу. Ибо Россия «Солженицына знает и слушает его. Значение имеет не амбициозная мелкая критика, а выступления Александра Исаевича, его публицистика, которая создает атмосферу, и это несомненное проявление вражды с пошлостью и ее апофеозом — жлобством, рождающим самонадеянность и глухую злобную смуту. И дай Бог, чтобы вновь Солженицын победил», — пожелал В.Лукин.

ЛЕВ АЛЕЙНИК

Москва

23.11.95.

Солженицын А.И.